

Ю. П. Шабает

Данные переписей как инструмент формирования дискурса о культурном апокалипсисе

УДК 572.2

В статье анализируются результаты переписей населения как основы для формирования социально-культурных представлений. Эти представления в сознании масс могут носить дополнительные социально-психологические коннотации.

Ключевые слова: демографические данные, социальное сознание, интерпретации.

Ju. Shabaev. Census data as a tool for the formation of discourse about cultural apocalypse

The paper analyzes the results of population census as the basis for the formation of social and cultural beliefs. These representations in the minds of the masses may be additional social and psychological connotations.

Key words: demographics, social consciousness, interpretation could.

В ноябре 2011 г. были обнародованы общие итоги Всероссийской переписи населения 2010, в том числе и данные об этническом составе населения страны. Итоги переписи сразу привлекли к себе внимание общественности, и их обсуждение активно продолжается, в частности, в регионах, которые теперь весьма часто называют «финно-угорскими».

Результаты двух предыдущих переписей, показавших усложнение ситуации среди финно-угров России, вызывали неоднозначную реакцию как среди специалистов, так и среди активистов различных этнических организаций. Нередко эти результаты пытались политизировать и таким образом цифры становились не инструментом учета, а инструментом политического давления.

Главная идея тех, кто понимает этническую идентичность как жесткую «привязку» личности к группе и считает культурный диктат группы над личностью вполне «естественным» заключается в том, что данные переписей свидетельствуют о «вымирании» российских финно-

угров. Причем понимание этничности «как примордиальной сущности определенной биологически» [17:56] близка не только сторонникам этнического национализма, но и некоторым европейскими *демократическим* институтам. Первая попытка «практического» применения ими названного подхода была предпринята еще в 1998 г., когда по инициативе депутата Европарламента от Финляндии Тюти Исохоокана-Асунмаа в комитете по культуре Евросовета был заслушан доклад о мерах, гарантирующих сохранение своеобразия финно-угорских меньшинств, а Парламентская Ассамблея разработала резолюцию 1171, касающуюся уральских (т. е. финно-угорских и самодийских) культурных меньшинств «подверженных вымиранию» [14]. В адрес России поступила рекомендация предпринять меры для сохранения и развития языка и культуры финно-угорских меньшинств, усилить внимание государственных институтов к нуждам этих народов.

Следующей важной вехой в презентации сценария «вымирания» российских финно-угров стало выступление с пленарным докладом на IV Всемирном конгрессе финно-угорских народов, прошедшем в августе 2004 г. в Таллине, видного венгерского лингвиста Яноша Пустаи. Он призвал обратить внимание на значительное сокращение численности многих уральских народов и сделал прогноз, согласно которому в 2093 году общий численный состав этих народов сократится вдвое. Причем сам факт изменения численности им расценивался не как следствие культурных взаимодействий, а как некий «культурный апокалипсис». Этот изначальный посыл повлек за собой и целую серию других сомнительных умозаключений [8]. Предложения ученого сводились к необходимости тотальной этнизации всего культурного пространства тех регионов, где проживают российские финно-угры, но где при этом они не являются большинством населения и где исторически сформировались сложные поликультурные сообщества. Структуру отношений в местных сообществах ученый выносил как бы «за скобки» своих рассуждений и потому его предложения представляли как совершенно утопичные. Тем не менее доклад Пустаи стал своеобразным политическим манифестом для некоторых активистов этнических движений финно-угров как в зарубежной Европе, так и в России.

Именно после конгресса в Таллине начала разворачиваться кампания «по защите прав уральских меньшинств». Инициаторами этой кампании выступили эстонские политики. Их усилиями было принято «Обращения в поддержку марийского народа» [18], поводом для которого послужило криминальное нападение на одного из активистов марийского движения. Интергруппа Европарламента, занимающаяся вопросами национальных меньшинств, 10 марта 2005 г. обсудила вопрос «о положении марийского народа в России» и приняла решение под-

нять этот вопрос на переговорах с делегацией российских парламентариев. Еще ранее Европарламент поручил подготовку специального доклада по положению уральских народов в России депутату от Эстонии Катрин Сакс, которая в свое время занимала пост министра по делам народонаселения своей страны, но не являлась специалистом по проблемам меньшинств. В связи с развернувшейся кампанией в поддержку финно-угорских народов в России, работа над данным докладом была активизирована. Осенью 2006 г. данный доклад был представлен в Комитет по культуре, науке и образованию ПАСЕ под наименованием Doc. 11087, *Situation of Finno-Ugric and Samoyed Peoples* [17]. По существу в докладе развивались идеи Я. Пустаи. Основной смысл доклада состоял в том, чтобы показать: ситуация с положением финно-угорских народов России «значительно ухудшилась», ибо их численность сокращается. Сокращение численности вкупе с другими культурными изменениями, происходящими в культурном облике народов уральской языковой семьи, служили «доказательством» неэффективности федеральной и региональной политики в РФ. На этой основе обосновывалась необходимость тотальной этнизации культурной жизни в регионах проживания финно-угров.

К названному докладу экспертами было высказано множество претензий, но главная из них состоит в том, что его авторы не принимали во внимание наличие сложных культурных сообществ в регионах проживания финно-угров, фактически отрицали право граждан на культурную свободу (ибо личность в докладе рассматривалась как «заложник» неких высших культурных интересов).

Сегодня очевидно, что сугубо арифметический подход к анализу культурной и языковой ситуации в сложных сообществах приводит не к прояснению ситуации, а наоборот, запутывает ее. При «арифметическом» подходе сугубо приватные вопросы культурного выбора и культурных предпочтений трансформируются в политические дебаты, логика которых неумолимо приводит стороны к взаимным обвинениям в ассимиляторстве и националистических гонениях.

Обнародованные результаты новой переписи населения активно обсуждают в регионах, причем сведения о финно-уграх опять оценивают именно в терминах «вымирания», «ассимиляции», «исчезновения». Правда, в официальной прессе обсуждение общих итогов переписи в первое время носило характер обычной констатации демографических перемен, но в интернет-пространстве палитра драматических умозаключений варьируется от сдержанно-пессимистичных комментариев [3], до выдвижения идеи «последнего рубежа» и постановки в связи с этим новых целей перед этнонациональными движениями и предстоящими эт-

ническими съездами [19]. Показателен в этом отношении круглый стол, который организовало перед предстоящим X съездом коми народа общественное движение «Коми войтыр» и на который не могла не откликнуться официальная пресса. Издание Правительства и Государственного Совета Коми газета «Республика» так описывала ключевую идею дискуссий: «Гром грянул весной прошлого года. Впервые за всю историю республики общеобразовательные школы закончили всего 300 с небольшим выпускников, прошедших курс обучения коми языку как родному. Рекордно низкое количество молодых людей со знанием коми языка в объеме средней школы вскоре нашло своеобразное подтверждение в итогах последней всероссийской переписи. За небольшой отрезок времени, разделяющий эту перепись от аналогичной, прошедшей в 2002 году, коми недосчитались почти 60 тысяч человек. Эти две цифры для достаточно небольшого по численности народа можно смело назвать катастрофическими» [19]. Примерно аналогичные мнения высказывались и о культурных процессах среди удмуртов. Так, в одном из интернет-комментариев по поводу итогов переписи утверждалось, что «...нынешнее поколение может стать свидетелем исчезновения удмуртов» [4]. При этом нередко более показательны не столько сами размещенные в сети материалы, сколько многочисленные комментарии к ним пользователей.

Однако результаты очередной переписи показывают лишь то, что ослабевает «культурный диктат групп», что люди все более свободно выбирают себе культурные ценности, включая язык и культурную идентичность. Данные переписи свидетельствуют об изменении отношения населения, особенно молодежи, к категории этнической принадлежности («национальности»). Об этом же свидетельствуют и результаты массовых опросов населения разных регионов страны. К примеру, материалы нашего опроса, проведенного в марте 2010 г. в Сыктывкаре, Архангельске и Мурманске показали, что национальная принадлежность «очень важна» для 33,9% респондентов в Архангельске, 13,8 % – в Мурманске и 29,1 % – в Сыктывкаре. Соответственно «совсем не важна» она для 14,9 % опрошенных жителей Архангельска, 15,1 % – опрошенных в Мурманске и 14,7 % – в Сыктывкаре. Наибольшая доля (соответственно 49,2 %; 68,1 % и 51,7 %) указали, что помнят о своей этнической принадлежности, но не считают, что она «имеет особое значение», поскольку «важнее личные качества человека, а не его национальность». Различия в оценках значимости этничности в зависимости от принадлежности респондентов к той или иной этнической группе не были значительными.

Цифровые данные, зафиксированные советскими и современными переписями, показывают сложную картину изменения численного со-

става разных народов уральской языковой семьи. Однонаправленной динамики в демографическом развитии уральцев никогда не наблюдалось. Однако условно можно говорить о наличии двух типов изменений численного состава. Для иллюстрации приведем таблицу, в которой представлены доступные данные о финно-уграх по переписям с 1926 по 2010 гг.

В период с 1926 по 1979 гг., которые в России признаются благополучными в демографическом отношении (годы сталинских репрессий, военные потери тут выносятся как бы за скобки), численность венгров и коми-пермяков колебалась; численность марийцев, коми, удмуртов стабильно росла; численность саамов и манси оставалась стабильной; численность мордвы и карел последовательно сокращалась. Очевидно, что не только собственно демографические факторы (соотношение полов, состав возрастных когорт, показатели рождаемости и смертности) оказывали влияние на численный рост или его снижение, но в большей мере влияние оказывали социально-экономические и культурные факторы. В Коми автономном округе в 1933–1934 гг. и затем в 1936–1937 гг. сокращение численности было вызвано голодом, который в свою очередь стал следствием политики тотальной коллективизации [9]. Для демографического развития вепсов решающую роль играл дисперсный характер их расселения и повсеместное соседство вепских сел с русскими. Резкое сокращение численности ижорцев объясняется особенностями их культурного позиционирования. Наиболее общее для всех групп ижор этническое самоназвание – «русские» (“venäläiset”, “venalaizet”) первоначально представляло собой политоним (принадлежность к Русскому государству), а впоследствии превратилось в конфессионим («русские» как носители православной религии), что было важно для культурного позиционирования при проживании на одной территории с финнами-лютеранами (ингерманландцами) [16]. Не случайно в 1930-е гг. ижорская интеллигенция дружно отвергла идею политики «ижоризации». Иными словами, в каждом конкретном случае действовали далеко не только демографические, но в разной пропорции также социально-экономические и культурные факторы.

Таблица 1

Численность финно-угорских народов в России по данным переписей населения 1926–2010 гг.

	1926	1937	1939	1959	1970	1979	1989	2002	2010
бесермяне	10035	-	-	-	-	-	-	3122	2201
венгры	-	-	-	-	6681	4313	5742	3768	2781
вепсы	32784	29585	31449	16170	8057	7550	12142	8240	5936
водь	705	-	-	230	-	-	-	73	64
ижорцы	16136	8565	-	1100	561	449	-	327	266
карелы	248030	231464	249855	164050	141148	133182	124921	93344	60815
коми	375740	380464	415173	201018	315347	320078	336309	293406	228235
коми-ижемцы	-	-	-	-	-	-	-	15607	6420
коми-пермяки	149448	121082	-	143030	150244	145993	147269	125235	94456
манси	5754	6138	-	6318	7609	7434	8279	11432	12269
марийцы	428001	398525	476382	498066	581082	599637	643698	604298	547605
горные марийцы	-	-	-	-	-	-	-	18515	23559
лугово-восточные марийцы	-	-	-	-	-	-	-	56119	218
мордва	1307415	1214189	1376338	1211105	1177492	1111075	1072939	843350	744237
мокша	-	-	-	-	-	-	-	49624	4767
эрзя	-	-	-	-	-	-	-	84407	57008
саамы	171	1828	-	1760	1836	1775	1835	1991	1771
удмурты	504010	563404	600005	482057	678393	685718	714833	636906	552299
финны	-	135643	-	72356	62307	55687	47102	34050	20267
ингерманландцы	114831	-	-	-	-	-	-	314	441
ханты	22306	22801	-	19246	21007	20743	22283	28678	30943
эстонцы	154666	89529	-	-	62980	55539	46390	28113	17875
сету	-	-	-	-	-	-	-	197	214

Источник: База данных Института этнологии и антропологии РАН (Москва).

Наибольший интерес представляет анализ динамики численности финно-угров на основании данных последних трех переписей населения. Помимо сугубо научного интереса, оценка изменений в численном составе финно-угорских народов имеет и политическое значение, поскольку, как мы уже подчеркивали, не прекращаются попытки представить снижение численности отдельных народов как результат некой

общей целенаправленной государственной политики, которую традиционно называют «русификацией».

Если оценивать изменения арифметических величин от переписи к переписи, то очевидно сокращение численности финно-угров. Важно, однако, осуществить не столько простой анализ изменений численности, но уделить внимание структурным изменениям. Во-первых, предыдущая перепись (2002 г.) зафиксировала «появление» целого ряда «новых» этнонимов. Фактически же речь шла об актуализации тех субэтнических наименований, которые прежде были широко распространены, но в советскую эпоху в силу разных причин, в том числе в силу заявлений специалистов-этнографов о завершении процессов культурной консолидации среди народов СССР, не использовались в публичной сфере. Однако начиная с 1990-х гг. происходит не только актуализация целого ряда субэтнических наименований, но в них начинают вкладывать и новый смысл. К примеру, наиболее радикальные активисты ижемского, горномарийского, эрзянского движения стали утверждать, что ижемцев, горных марийцев и эрзян вообще следует считать самостоятельными народами. Что касается бесермян, то тут случай особый и ясных объяснений их культурной принадлежности нет даже у специалистов, в результате чего еще в 1992 г. Верховный Совет Удмуртии принял специальное постановление «О восстановлении исторического имени бесермянского народа», согласно которому бесермяне обрели статус отдельного народа [11;13].

При этом следует заметить, что названные процессы реидентификации приобрели значительные масштабы [20], и это позволило нам в свое время заявить об углубляющемся *процессе этнической фрагментации* среди финно-угров [19]. Результаты переписи–2010 не подтвердили ранее высказанное предположение. Процесс фрагментации не только не получил развития, но, видимо, начинает усиливаться внутри-этническая интеграция и гомогенизация. Так, доля тех, кто заявил о себе как о луговых марийцах или о мордве-мокше, сократилась беспрецедентно (в десятки раз), почти втрое сократилось число лиц, желающих именоваться коми-ижемцами (сказалась отчасти, конечно, и кампания «запишись коми», проводившаяся накануне переписи), на треть сократилось число бесермян. Устойчивой локальной идентичностью, однако, все еще является горномарийская и эрзянская, причем если число тех, кто идентифицирует себя как горных марийцев заметно возросло, то число эрзян столь же заметно сократилось.

Предыдущая перепись зафиксировала снижение доли горожан среди целого ряда финно-угорских народов, что позволило заявить нам о начале *процесса деурбанизации* финно-угров [19]. Мы полагали, что го-

родские сообщества финно-угров подвергаются усиленной аккультурации и ассимиляции, а потому и далее неизбежно их динамичное сокращение, в то время как сельские сообщества будут относительно стабильны и потому их вес в общей социальной структуре финно-угорских сообществ станет возрастать. Но ситуация оказалась более сложной. Сельские сообщества продолжали ускоренно сокращаться, и в этом процессе существенную роль играет то, что на селе более старое население и существенно выше естественная убыль населения, что продолжается активный процесс миграции сельской молодежи в города. В результате устойчивость сельских сообществ была несколько переоценена, но и темпы ассимиляционных процессов в городах оказались, видимо, ниже, чем мы ожидали. Более того, очевидно, что масштабы миграции финно-угров в города оказались достаточно высокими в последние годы. Во всяком случае, миграция была значительно выше, чем в 1990-е гг., что и позволило миграционному притоку компенсировать потери от ассимиляции. По данным переписи населения 2010 года, доля горожан среди коми-пермяков, коми, мордвы, марийцев, карел заметно увеличилась. Сокращение доли горожан произошло лишь у удмуртов, что, вероятно, связано с меньшей миграционной подвижностью удмуртской сельской молодежи.

Вообще мнение о том, что финно-угорские народы – это преимущественно сельские сообщества, вероятно, уже давно не соответствует реальному положению дел, ибо большинство вепсов, карел, води, мордвы, финнов, манси – это горожане, а у многих других уральских народов доля горожан близка к половине всех членов этнической группы. При этом в городах повсеместно финно-угры составляют меньшинство, а потому сам выбор брачных партнеров, дружеского окружения происходит в значительной мере вне «своей» группы. Это, безусловно, усиливает ассимиляционное «давление» на городские части названных народов.

Кроме того, в силу неизбежных интенсивных контактов с представителями других этнических групп, собственная этничность (если она не носит статусный характер) перестает восприниматься как важный культурный маркер. Таким образом, превращение финно-угров в городские сообщества, очевидно, усиливает ассимиляционные тренды среди них, но в еще большей мере – меняет личные стратегии идентификационного выбора, которые становятся множественными и более гибкими. Перепись такие перемены отразить не способна, и получается огрубленная картина «ассимиляции».

Отказ при переписи (или соцопросе) человека от отождествления себя с этнической группой отнюдь не всегда позволяет говорить об этнической ассимиляции. Тот факт, что между двумя последними переписными кампаниями вчетверо увеличилось количество лиц, не указав-

ших свою этническую принадлежность, [2] свидетельствует не только о не всегда качественной работе переписчиков, но и отражает определенные изменения в культурном позиционировании россиян. Происходит серьезная переоценка отношений к категории «этническая принадлежность» (в переписи – «национальность»). Если для старшего поколения эта категория существенно важна, то для молодежи она менее значима, но при этом возрастает значение гражданской идентичности [7] и всякой другой идентичности. Более того, есть основания говорить о значительном идентификационном сдвиге в культурных ориентациях россиян. Данные исследований показывают, что общероссийская гражданская идентичность становится все более весомой персональной характеристикой [15], которая успешно сосуществует вместе с этнической идентичностью. А поскольку гражданская идентичность ассоциируется (пусть даже косвенно) с этническим большинством страны, постольку между общероссийской гражданской и русской этнической идентичностью представители меньшинств не видят значительной разницы. Поэтому «отказываясь» от этнической идентичности в пользу гражданской представитель того или иного этнического меньшинства маркирует себя как россиянина, называя себя русским.

Складывается новая тенденция, когда свобода культурного выбора, включая характер культурной идентификации, позволяет личности быть более свободной от давления группы и в значительной мере самой определять свои предпочтения.

Очевидно, что у финно-угорских народов, как и у многих других народов страны, имеют место потери населения в результате низкого уровня демографического воспроизводства, но потери в их численности нельзя объяснить только низким уровнем рождаемости и высоким уровнем смертности. Как следует из вышеприведенных рассуждений, существенны потери, которые мы прежде называли ассимиляционными потерями. Однако, на наш взгляд, сегодня эти потери корректнее и правильнее будет назвать признаками усложнения процесса идентификации. Одно из прав личности – право на культурную свободу, поэтому если человек в данном месте и в данное время решил определить свою этническую идентичность тем или иным способом, отличным от того, как он это делал раньше, он всего лишь реализовал свое право на культурную свободу. И в этой связи говорить об ассимиляции, которая ассоциируется с культурной аннигиляцией, вряд ли разумно.

Применительно к современной ситуации это неразумно вдвойне, ибо в последние годы осуществляется огромное количество мероприятий, которые направлены на поддержку финно-угорских культур и языков, на проведение различных пропагандистских акций. Создан Феде-

ральный финно-угорский центр в Сыктывкаре и Поволжский финно-угорский центр в Саранске, издаются новые журналы, проводятся фольклорные и театральные финно-угорские фестивали, создаются телепрограммы и специализированные финно-угорские интернет-ресурсы и т. д. Но в условиях культурного плюрализма значительная часть финно-угров все же склонна к смене этнического самосознания, что и продемонстрировали результаты последних переписей. Означает ли это, что все культурные инициативы последних лет были напрасными? Нет, конечно. В конце концов важны не формальные различия – кто русский, а кто коми, а общественная потребность в культурных образцах. И эта потребность сохраняется.

Вопрос, который логично вытекает из вышесказанного и который еще не раз будет звучать в публичном дискурсе: насколько «ухудшилась» ситуация с финно-угорскими народами РФ? Ситуация изменилась – это очевидно, но оценивать ее только со знаком плюс или только со знаком минус не имеет смысла. Меняются не только культурные ориентации людей (перепись частично улавливает эти процессы), но и растет широта диапазона культурных предпочтений. Перепись отражает, какой выбор на данном этапе предпочтителен для людей. Более того, изменения в культурных ориентациях вполне закономерны. При этом важно заметить, что нынешние изменения являются вполне логичным продолжением ранее отмеченных культурных процессов. В этом смысле полезно сослаться на вывод, к которому в свое время пришел известный финский социолог Сеппо Лаллукка: «История подтверждает, что восточно-финским народам присущи как ассимиляционные, так и плюралистические ценности и стремления. Так, с одной стороны, большое число их представителей более или менее сознательно восприняли обрусение как свою цель, т. е. они желают абсорбироваться в большое общество, хотят, чтобы к ним относились просто как к индивидам. Устремленная таким образом на ассимиляцию группа людей хочет быть полностью воспринятой доминирующей группой с последующим слиянием в большое общество. С другой стороны, имели и продолжают иметь место и стремления к этническому возрождению» [6:304].

Сегодня, однако, уже достаточно очевидно, что среди финно-угров усиливаются, во-первых, интеграционистские устремления, а во-вторых, как показывают данные социологических исследований [15], все большее влияние начинают оказывать ориентации на гражданскую общероссийскую идентичность, которая сосуществует с этнической как еще один способ культурного позиционирования личности. Кроме того, стало еще более очевидна условность этнических категорий, поскольку столь значительные колебания сначала в пользу этнолокальных определителей в 2002 г., а затем в 2010 г. масштабный отказ от них значитель-

ных групп населения демонстрируют пластичность этих категорий, как и в целом самой категории «этническая принадлежность». Впрочем, поскольку культурные ориентации достаточно изменчивы, нельзя исключать в будущем новых флуктуаций и возвратных тенденций. В частности, об этом свидетельствует ситуация в Мордовии, где во время переписи 2010 г. 65 тыс. русских записались мордвинами [12].

Конечно, результаты переписи–2010 надо будет еще анализировать более детально, и наши выводы являются довольно общими и предварительными, но очевидно, что расценивать свободный культурный выбор огромного числа людей как свидетельство «вымирания» народов никак нельзя, хотя попытки трактовать результаты переписи именно так, скорее всего, будут предприниматься и далее.

-
1. Situation of Finno-Ugric and Samoyed Peoples/ Report Committee on Culture, Science and Education. Rewporter: Mrs. Katrin SAKS, Estonia, Socialist Group. URL: <http://assembly.coe.int/Main.asp?link:/Documents/WorkingDocs/Doc06/EDOC 11087.htm>
 2. Вот какие мы – россияне // Российская газета. 2011. 22 декабря.
 3. Итоги переписи–2010: Куда делись удмурты? URL: http://shukowwt.ucoz.ru/pub/itogi_perepisi_2010_kuda_delis_udmurty/1-1-0-9
 4. Итоги переписи–2010: резкое сокращение финских народов, обские угры и ненцы процветают. URL: <http://finugor.ru/node/22478>
 5. Крюков А. В. Об этническом самосознании ингерманландских финнов и ижор // Нестор. Журнал истории и культуры России и Восточной Европы. 2007. №10.
 6. Лаллукка Сеппо Восточно-финские народы России. Анализ этнодемографических процессов. Изд. перераб. и доп. СПб., 1997.
 7. Миронова Н. П. Этническое самосознание современной молодежи Республики Коми (на примере студентов г. Сыктывкара) : автореф. дис... канд. ист. наук. М., 2011.
 8. На IV Всемирном конгрессе выражают беспокойство о будущем финно-угорских народов. Пресс-релиз // Эрзянь мастор. 2004. 25 августа.
 9. Никитин С. П. Размышления перед съездом народа мари. Ч. 2. URL: <http://mariuver.wordpress.com/2012/01/14/pered-sjezdom-2/>
 10. Ничиперович А. Размытые корни // Миян шог. Наша боль. Кудымкар, 1990.
 11. О бесермянах. Сборник статей. Ижевск, 1997; Попова Е. В. Бесермяне: проблемы статистического учета // Этнологический мониторинг переписи. М., 2011.
 12. Перепись–2010. Окончание. Национальный состав населения. URL: <http://www.zemfort1983.livejournal.com/24091.html>.

13. Попова Е. В. Бесермяне: проблемы статистического учета // Этнологический мониторинг переписи. М., 2011.
14. Резолюция 1171 (1998) Культура уральских национальных меньшинств под угрозой. URL: http://www.suri.ee/doc/ru/reso_1171.html
15. Российская нация. Становление и этнокультурное многообразие. М., 2011.
16. Сивкова Анна. Призыв к «этнической мобилизации»// Республика. 2012. 16 февраля.
17. Сюни Р. Г. Конструируя примордиализм: старые истории для новых наций // Антропология социальных перемен. М., 2011.
18. Тишков В. А. Как делаются провокации (по поводу положения финно-угорских народов России) // Бюллетень сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. 2005. № 59 (январь-февраль).
19. Шабает Ю. П. Республика Коми: этническая ассимиляция или культурный плюрализм? // Этнокультурный облик России. Перепись 2002 года. М., 2007.
20. Шабает Ю. П., Чарина А. М. Финно-угорский национализм и гражданская консолидация в России (этнополитический анализ). СПб., 2010.